

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.23>

Саяпин Владислав Олегович

Поиск адекватной социально-философской рефлексии в различении социальной виртуальности сетевого социума

Целью исследования является поиск такой адекватной теоретико-методологической основы, которая позволит отчетливо эксплицировать постоянно трансформирующуюся социальную виртуальность сетевого социума. В ходе работы изучается становление конвергентной методологии как способа реализовать многофакторный социально-философский анализ результатов тотального внедрения интернет-технологий в новую социальную реальность. Научная новизна заключается в том, что конвергентная методология в экспликации социальной виртуальности сетевого социума впервые строится на основе системно-функционального подхода Н. Лумана и сетевого подхода М. Кастельса. В результате установлено, что в социальной виртуальности сетевого социума, а именно через ее искусственный мир технически опосредованных виртуальных коммуникаций, повсеместно передаются восприятия, опыт и образцы социальных действий виртуальных субъектов. Отмечено, что статусы и роли виртуальных субъектов в этой социальной виртуальности устанавливаются лишь через их сетевую позицию - инстанцию, сквозь которую движутся эти виртуальные коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/23.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 120-125. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.23>

Дата поступления рукописи: 03.07.2020

Целью исследования является поиск такой адекватной теоретико-методологической основы, которая позволит отчетливо эксплицировать постоянно трансформирующуюся социальную виртуальность сетевого социума. В ходе работы изучается становление конвергентной методологии как способа реализовать многофакторный социально-философский анализ результатов тотального внедрения интернет-технологий в новую социальную реальность. **Научная новизна** заключается в том, что конвергентная методология в экспликации социальной виртуальности сетевого социума впервые строится на основе системно-функционального подхода Н. Лумана и сетевого подхода М. Кастельса. **В результате** установлено, что в социальной виртуальности сетевого социума, а именно через ее искусственный мир технически опосредованных виртуальных коммуникаций, повсеместно передаются восприятия, опыт и образцы социальных действий виртуальных субъектов. Отмечено, что статусы и роли виртуальных субъектов в этой социальной виртуальности устанавливаются лишь через их сетевую позицию – инстанцию, сквозь которую движутся эти виртуальные коммуникации.

Ключевые слова и фразы: социальная виртуальность; сетевой социум; виртуальная коммуникация; системно-сетевой подход; Н. Луман; М. Кастельс.

Саяпин Владислав Олегович, к. филос. н., доц.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

vlad2015@yandex.ru

Поиск адекватной социально-философской рефлексии в различении социальной виртуальности сетевого социума

Актуальность. К началу XXI века в социальной философии и теоретической социологии был накоплен значительный объем знаний по проблемам, связанным со становлением и развитием понятия «социальная реальность». Однако нынешние обладающие всеобщим характером многочисленные маркеры социальной трансформации, опирающиеся на технические решения, и в первую очередь на специфику интернет-технологии, качественно меняют фундаментальные основания социального и одновременно виртуального бытия, а также активно стремятся сформировать социальную виртуальность (новую социальную реальность). Без определения по существу принципиальных аспектов понятия «социальная виртуальность», «проводниками» которой являются все больше эти новейшие информационно-коммуникативные технологии, дальнейшее движение современного сетевого социума во времени может иметь непредвиденные социокультурные последствия.

Мы нацелены решить следующие **задачи**: показать характерные особенности виртуальной коммуникации как системного фактора в образовании социальной виртуальности сетевого социума; дать характеристику и обосновать потенциал новой комплексной системно-сетевой методологии. **Теоретическая база** исследования основывается на объединенном системно-функциональном подходе Н. Лумана и сетевом подходе М. Кастельса.

В этой связи вниманию читателей предлагается социально-философский анализ основных ступеней в становлении социальной виртуальности, а в качестве узлового **метода исследования** наряду с комплексным системно-сетевым методом используется конкретно-исторический метод. В контексте данного исследования также используются методы проблемно-ориентированного сравнительного анализа и теоретического моделирования, которые в рамках настоящей статьи способствуют установить отличительные особенности различных социально-философских подходов к анализу социальной виртуальности.

Результаты проведенного исследования служат внесению определенного **теоретического вклада** в экспликацию феномена социальной виртуальности современного сетевого социума. Вместе с тем предложенная комплексная системно-сетевая методология может быть также использована и для исследования в условиях постоянной трансформации сетевого социума как глобальных, так и локальных кросскультурных взаимоотношений виртуальных субъектов. Поэтому последующие результаты таких исследований и создают некий **практический потенциал** для конкретных социологических изучений инклюзивно-экслюзивных взаимоотношений виртуальных субъектов.

Важно отметить, что в современной социальной виртуальности виртуальные субъекты (или, другими словами, образованные и активные люди, способные проектировать, создавать, презентовать и воспринимать эту новую социальную реальность) благодаря использованию интернет-технологий постигают свое осмысленное виртуальное бытие не только как реально осуществленное, но и как социальное. В данном случае этот новый мир социальной виртуальности все больше для них таков, как его в условиях научно-технического прогресса и в обстоятельствах масштабной функциональной/социальной дифференциации сетевого социума организуют виртуальные коммуникации (технически опосредованные социальные коммуникации) [8; 10].

Кроме того, социальная виртуальность в сетевом социуме – это мир идеальных маркеров человеческого творчества, развивающийся по своим особым законам и предоставляющий виртуальным субъектам огромное количество возможностей [9]. Социальная виртуальность – это всегда смысловая реальность, которая обнаруживает себя в «системах сознания» у виртуальных субъектов. Именно смыслы в этих «системах сознания»

и производят редукцию сложности социальной виртуальности, а также посредством чрезмерных требований и принуждения к селективному выбору стараются управлять интерсубъективными взаимоотношениями виртуальных субъектов. Поэтому непрерывно уясняемое общезначимое смысловое наполнение этой новой социальной виртуальности и подразумевает бесконечное число возможностей социальных действий и опыта, нежели способна воспринимать и актуализировать индивидуальная «система сознания» виртуального субъекта.

Несомненно, что социальная виртуальность по-разному переживается «системами сознаний» виртуальных субъектов, которые, как правило, имеют в рамках современного сетевого социума различные социальные роли и разные социальные статусы. Отсюда возникает представление о множестве социальных виртуальностей, где каждая подобная социальная реальность конституируется своими собственными субъективными восприятиями и личностными смыслами, то есть смыслами огромного множества создающих и творящих виртуальных субъектов [16]. Здесь образ жизни любого виртуального субъекта всегда направлен не только к интерсубъективному миру [2], который он разделяет с другими подобными ему социальными субъектами, но и к его личностным смыслам, через которые и происходит понимание, истолкование или репрезентация сущности всякой социальной реальности. Ведь только благодаря творимым нами репрезентациям, а также с опорой этих «посредников» на некие образцы подобных знаковых моделей представления образа идеальных и материальных объектов, предписываемых нам современной культурой, считает Л. А. Микешина, и формируется в значительной мере наше восприятие и познавательное отношение к социальному миру [14, с. 91-95].

Вместе с тем нельзя не упомянуть теоретическое прозрение К. Маркса о том, что фундаментальным для понимания социальной реальности всегда является именно антропологическое основание. Однако в его истолковании это общее антропологическое основание зависит только от конкретных исторических условий общественного бытия и не зависит от уникальных личностных смысловых начал сознания человека [13]. Поэтому в марксистской модели социальной реальности, проповедующей все больше социальную демагогию, всегда присутствует острая необходимость в личностных интенциях.

Дополнительно к этому сегодня можно констатировать и тот факт, что основополагающие идеи Э. Дюркгейма [7] изжили себя, и этому способствовало то, что доминирующую роль в постижении современной социальной реальности играет не переоцененное этими идеями социальное, а, как мы отмечали ранее, антропологическое. Ведь только в личностных смыслах первичной реальности – реальности «Я» зарождается то существенное, которое маркирует нынешнее социальное. И более того, сегодня это общественное все больше не способно «властвовать» над индивидуальной и одновременно виртуальной стихией новой реальности. Поведение современного виртуального субъекта в нынешней социальной виртуальности опирается все чаще не на социальные нормы, а на самоощущения. По мнению Ф. И. Гиренка, сегодня человек «ест что попало, одевается, как взбрдет ему в голову, смотрит все подряд, читает случайные вещи, отвергает принципы» [5].

Необходимо подчеркнуть, что наряду с недооценкой антропологического фактора дюркгеймовская экспликация понятия «социальной реальности» полностью отвергает функциональную и структурную роль социальных коммуникаций. Хотя даже в его теоретической модели познания социальной реальности можно отыскать огромное множество функционально зависимых от способов производства материальных благ и разделения труда социальных коммуникаций. Более того, в современной социальной виртуальности уже само производство является функцией от технически опосредованной социальной коммуникации.

Очевидно, что в контексте данных критических рассуждений об исходной теоретической модели социальной реальности Э. Дюркгейма нельзя не затронуть и веберовскую теоретическую модель в познании социальной реальности. Следует отметить, что в основе данной социально-философской модели в экспликации социальной реальности лежит уже концепт социального действия, которое, по мнению М. Вебера, является наиболее удобным социальным маркером в репрезентации истинной сущности во взаимоотношениях людей [3]. Однако следует признать, что концепция «социального действия» М. Вебера в ее нынешнем виде сама оказывается неподходящей для формирования той теоретико-методологической базы, которая способна определить современную социальную виртуальность сетевого социума. При этом можно выделить ряд характерных теоретических трудностей.

Во-первых, в рамках искусственно развитых виртуальных коммуникаций сетевого социума происходит не только активное различение виртуальных субъектов, но и может происходить различение сетевых интерфейсов, наделенных искусственным интеллектом. Отсюда, в силу такой расплывчатой субъективности участников виртуальных коммуникаций (когда одним из участников обнаруживает себя некая искусственно созданная инстанция технологического опосредования), границы социального действия становятся окончательно размытыми. Так как действия, с опорой на логику Вебера, могут быть только тогда социальными, если они ориентированы на поведение «Других», и не могут быть таковыми, если они направлены только на трансформацию вещных объектов.

Во-вторых, социальные действия, как правило, очень индивидуальны, и в силу этого в рамках единого социального процесса каждое такое обособленное действие способно создавать некую прерывность. В этом случае социальный процесс очень сложен и неоднороден, в нем что-либо новое начинается или уже заканчивается. Отсюда нарушение плавности, постепенности, а также отчужденность и разобщенность действия от своих предыдущих обстоятельств; поэтому очень трудно вообразить и осмыслить процесс непрерывности социального взаимодействия, а также появление или развитие чего-либо из своих собственных элементов с точки зрения системы действия. Другое дело – виртуальные коммуникации, которые не составляет большого труда представить в виде их непрерывного медиатекстового потока информации, имеющего возможность

рекурсивно возвращаться к собственному исходному состоянию. Поэтому для адекватной экспликации нынешней социальной виртуальности необходим более общий теоретико-методологический параметр, который в рамках современного сетевого социума способен характеризовать как воспринимающее измерение (восприятие или опыт), так и действующее измерение (социальное действие). В этой связи таким подходящим теоретико-методологическим параметром становится понятие «виртуальной коммуникации». Виртуальная коммуникация включает в себя понятия опыта и действия – это всегда процесс обмена информационными сообщениями. Более того, в рамках сетевого социума эта элементарная технически опосредованная социально-коммуникативная система конституирует завершенный целостный коммуникативный цикл, состоящий из информации/сообщения/понимания.

В-третьих, если социально-сетевой обмен считается элементарной транзакцией, конституирующей современную социальную виртуальность, то возникают также некие трудности по сопряжению между собой понятий «социального действия» и «социального обмена». В этом случае, на наш взгляд, обмениваться возможно многим: ресурсами, собственностью, информацией, но никак не социальными действиями.

Тем не менее следует отметить, что попытка постигнуть современную социальную реальность в рамках объединенных интуиций, связанных с концепциями «социального действия» и «структурного функционализма», все же была предпринята американским социальным исследователем Т. Парсонсом [15]. Однако в том виде, в котором предстает его комплексное теоретико-методологическое познание новой социальной реальности, оно является скорее шагом в прошлое, в эпоху Э. Дюркгейма, поскольку его теоретический синтез в познании социальной реальности тотально опирается на область коллективного сознания и разделение труда. Поэтому социальная реальность для Парсонса – это, прежде всего, моральная реальность, где важным моментом является то, что делают и как ведут себя социальные субъекты исходя из «предписанных» им групповых ценностей.

Следовательно, парсонсовская комплексная теория экспликации современной социальной реальности напоминает редукционистскую модель, что не позволяет в полной мере осмысливать ее системный и эмерджентный характер. Кроме того, такая холистская концепция Парсонса в познании новой социальной реальности способствует возникновению некоего функционалистского оптимизма, что приводит эту теорию к затруднениям в осмыслении трансформации феноменов этой реальности.

Однако существует и другая альтернативная точка зрения в экспликации современной социальной реальности, связанная с феноменологической рефлексией (Э. Гуссерль [6], А. Шюц [17], П. Бергер и Т. Лукман [2]) и претендующая на некую целостность в познании этой реальности. В этой связи необходимо признать, что, выдвинув понятие «жизненного мира», феноменологическая теория стала претендовать на специфический социальный анализ ранее неисследованной области социального бытия. В этом случае можно констатировать тот факт, что именно такой феноменологический анализ и позволяет различать в феномене социальной реальности его скрытые смысловые направления личностного и социального опыта. Отсюда важным моментом становится идея П. Бергера и Т. Лукмана о возникновении в современной социальной реальности динамических процессов институционализации [Там же]. Именно теоретическая модель институционализации и три последовательных ее этапа (типизация, объективация и легитимация), по мнению этих мыслителей, и открывают для социальных субъектов в повседневной реальности (в ситуациях восприятия другого «лицом к лицу») новый социальный порядок ведения общения и выстраивания их взаимоотношений. Однако при всей перспективности этой теоретической новации в анализе социальной реальности, на наш взгляд, сложно говорить о четкости феноменологического теоретико-методологического подхода в рассмотрении этой реальности как строго выстроенной социальной теории.

Сегодня становится очевидным, что классические методы социального анализа (Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса), а также методы социальной феноменологии не позволяют адекватно (в неизменном виде) распознать и осмыслить новую социальную реальность, сложившуюся в начале XXI века. В этой связи, основываясь на критических замечаниях выдающегося немецкого социального мыслителя Н. Лумана, можно утверждать, что главной преградой в адекватном осмыслении социальной реальности являлось давнее гуманистическое предубеждение многих социальных исследователей о том, что эта реальность состоит только из людей и взаимоотношений между ними. Поэтому вследствие постоянного усложнения современного социума, а также в условиях допущения его территориального многообразия новой парадигмой социально-философского познания новой социальной реальности, как считает Луман, должен стать системный подход, основанный на понятии «коммуникации» [12].

По мысли Н. Лумана, современная социальная реальность – это поликонтекстуальная социально-коммуникативная система, допускающая множество описаний своей комплексности. Однако, на наш взгляд, и это важное замечание, реальность только тогда «социальна», если она обладает коммуникативной значимостью и допускает возможность выстраивать взаимоотношения «Я» относительно значимого «Другого». В дополнение к этому можно отметить, что в другой современной социальной концепции – концепции социальной реальности сетевого социума М. Кастельса утверждается, что в нынешнем глобальном и виртуальном мире меняются не только техники, гибкость и динамизм технически опосредованных коммуникаций, но и средства прохождения этих коммуникаций. Эти новые виртуальные коммуникации организуются, завоевывают позиции и отлучаются все больше сегодня через Интернет и другие цифровые сети. Поэтому именно благодаря децентрализованному и гетерархическому комплексу глобальной сети, состоящему из сетевых узлов и связей, виртуальные коммуникации приобретают новую динамическую активность, развивают «интерфейсные отношения» и приводят в конечном итоге к установлению сетевого социума [8].

Кроме того, на наш взгляд, в рамках сетевого социума виртуальные коммуникации и социальные действия не разделяются, но они различимы. В этом случае виртуальная коммуникация как элементарный социальный процесс делится на социальные действия, и этим достигается взаимосвязанность ее системных элементов, а именно: информации, сообщения и понимания. При этом виртуальная коммуникация – это не просто передача информации, а это смысловой и самореферентный динамический процесс, то есть когда эта технически опосредованная коммуникация способна не только описывать себя, но воспроизводить в своем описании саму себя.

Следовательно, в качестве основного метода осмысления социальной виртуальности нам видится продуктивной реализация комплексной системно-сетевой методологии, построенной на объединенных теоретических интуициях системно-функционального подхода Н. Лумана и сетевого подхода М. Кастельса. Так, с нашей точки зрения, системно-функциональный подход Н. Лумана органически вписывается в теорию бурно развивающегося сетевого социума. Безусловно, благодаря лумановским новациям, а именно включению в социальную реальность современного социума сопряженных теоретических инструментов: оперативной замкнутости, функциональной/социальной дифференциации, самореферентности и аутопойезиса (означающего «самоорганизацию», «самовоспроизводство» или «самопродуцирование»), сетевые структуры этого социума стали наделяться различными эмерджентными функциями [10]. Поэтому в функциональных и социальных системах сетевого социума новая социальная виртуальность, рожденная в форме постоянного перераспределения знания/незнания или успеха/неуспеха, проявляет себя как смысловая и коммуникативная эмерджентность.

Можно отметить, что ряд таких новшеств был заимствован Луманом в исследовательских работах у чилийских нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы [19], а также у основоположника кибернетической теории Хайнца фон Фёрстера [18]. Кроме того, одним из важных источников в постулировании Луманом своей теории социума как системы являлись идеи британского математика и философа Дж. Спенсера-Брауна, который считал: «В основу мы кладем идею дифференциации и идею признака, а также то, что мы не можем указать признак, не проводя различие. Мы берем, таким образом, форму дифференциации в качестве формы. Определение “дифференциация” – это совершенная сдержанность. Это значит, что различие проводится указанием границы, разделяющей две области таким образом, что любой путь из точки в одной области в точку в другой области обязательно пересекает границу. Например, круг на плоскости дает пример такой границы. Как только мы провели различие, мы можем выделить пространство, состояние или содержание, поскольку они различны по каждую сторону от границы. Мы не можем провести различие без причины, и не может быть причины, если только содержание не имеет различный смысл по разные стороны от границы. Если содержание осмысленно, мы можем выбрать имя для ссылки на него. Таким образом, мы отождествляем произнесение имени и смысл содержания, на которое ссылается это имя» [20, р. 10-11].

В этой связи становится понятно, что мегасистема сетевого социума – это, прежде всего, всеохватывающая социально-коммуникативная система, которая конституирует свою значимость только с помощью различения себя относительно окружающего внешнего мира. Окружающий внешний мир мегасистемы сетевого социума – это «системы сознания» виртуальных субъектов, системы искусственных интеллектов и прочие физические системы. При этом сама мегасистема сетевого социума крайне неоднородна, так как дифференцирована на ряд базовых (функциональных) и комплементарных (социальных) систем [10]. Кроме того, все эти функциональные/социальные системы благодаря собственным уникальным коммуникативным различиям различаются друг от друга. Более того, можно констатировать тот факт, что как функциональные системы (политика, экономика, культура, искусство, право, религия, образование, медицина и т.д.), так и социальные системы (социальные сети, чаты, форумы, блоги и др.) являются оперативно замкнутыми, аутопойетическими и самореферентными социально-коммуникативными системами. Поэтому, имея такие социальные механизмы, функциональным и социальным системам не требуется особого влияния со стороны «систем сознаний» виртуальных субъектов, которые для этих социально-коммуникативных систем являются окружающим внешним миром. Однако это не означает, что операционально самодостаточные функциональные и социальные системы находятся в термодинамической изоляции от «систем сознаний» виртуальных субъектов.

Смыслы «систем сознаний» виртуальных субъектов всегда структурно сопряжены с функциональными и социальными системами сетевого социума. Кроме того, все смыслы в рамках мегасистемы сетевого социума так или иначе выражены в языке (всеобщем эквивалентном и коммуникативном средстве) и являются посредниками между этими функциональными и социальными системами. Поэтому смысловое наполнение в каждой подобной социально-коммуникативной системе старается очертить для себя некий секторальный результат редукции комплексности. В этом случае как функциональные системы, так и социальные системы будут воспринимать друг друга как редуцированные. Цель такого редуцирования комплексности в этих системах – дать гарантированную возможность им выстоять в условиях окружающей их внешней среды, которая неизменно обладает превосходящей их комплексностью.

И наконец, можно утверждать, что для успешного эволюционного развития этим функциональным и социальным системам в сетевом социуме, наряду с наличием языка, необходимы и дополняющие его другие уникальные коммуникативные средства (медиа второго порядка) [11]. Подчеркнем, что в условиях усложнения сетевого социума выбор между успехом/неуспехом в любой функциональной или социальной системе не может управляться лишь только с помощью языка, поскольку он содержит в себе обе эти возможности. Иными словами, любая подобная система находит для себя в сетевом социуме такой бинарный код или, по-другому, такое символически генерализованное средство коммуникации, которое используется только в аутопойезисе этой системы. Поэтому аутопойезисы разнообразных и разноликих функциональных и социальных

систем имеют свою специфику. Эта специфика достигается тем, что бинарные коды этих систем наделены двумя дополнительными функциями: символизацией и генерализацией (мотивацией) или, по-другому, символом и смыслом, которые в рамках виртуальных коммуникаций обеспечивают некую вероятность их успешного итога. Здесь функция генерализации стремится не только обобщить смысловые ориентации и дополнить невероятным смыслом селекцию (важную процедуру эволюционного развития), но обеспечить при этом транслирование результатов такой редукции. Одновременно с этим функция символизации сопрягает и упрощает связь между генерализацией и селекцией [Там же].

Выводы. Итак, современная социальная виртуальность перестает быть фактором стабильности мегасистемы сетевого социума, поскольку она является фактором ее постоянного обновления. Эта новая социальная реальность в условиях «текущей современности» [1] или «ускользающего мира» [4] тотально обнаруживает себя во всех обособленных «системах сознаний» виртуальных субъектов, системах интеракций, функциональных/социальных системах и в их организациях. В этом случае можно смело утверждать, что процессы обособления, самореферентности и аутопойезиса в социальной виртуальности становятся теми позитивными факторами, которые значительно повышают ее содержательный уровень и тем самым ускоряют эволюцию сетевого социума. Более того, нынешняя социальная виртуальность посредством технически опосредованных виртуальных коммуникаций (медiateкстовых потоков информации) порождает и новые формы социально-сетевых взаимоотношений виртуальных субъектов и искусственных интеллектов.

Таким образом, такое множественное различие доминирующего влияния медiateкстовых потоков информации на «системы сознаний» виртуальных субъектов и искусственных интеллектов и дает нам возможность найти важнейший адекватный теоретико-методологический инструментарий. Именно комплексная системно-сетевая методология, построенная на объединенных теоретических интуициях системно-функционального подхода Н. Лумана и сетевого подхода М. Кастельса, и позволяет, на наш взгляд, эксплицировать динамичное и непрерывное развитие сетевого социума и обратить внимание на существенную роль в подобном генезисе технически опосредованных виртуальных коммуникаций.

Важно отметить, что методология, основанная на конвергенции теоретико-структурных вариаций Н. Лумана и М. Кастельса, представляет, на наш взгляд, наиболее удачную экспликацию современной социальной виртуальности. Проект социальной виртуальности – это пока еще до конца не реализованный глобальный социальный проект, который в рамках социума сетевой эпохи должен осуществить те позитивные общезначимые (интерсубъективные) и личностные смыслы, которые наметило себе человечество в первой половине XXI века. И этому тотально способствует ускоренное внедрение диджитализации и искусственного интеллекта в технологические процессы Интернета, который повсеместно и ускоренно меняет весь социальный образ жизни людей. Поэтому «тайное супероружие» нынешней эпохи – сотрудничество, а также шокирующие скорости развития цифровых интернет-технологий – все это те социальные маркеры социальной виртуальности, с которыми в недалеком будущем должно окончательно свыкнуться человечество.

Список источников

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-643.
4. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
5. Гиренко Ф. И. Хвост ускользающей субъектности [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-07-31/4_science.html (дата обращения: 27.06.2020).
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 398 с.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр.; сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
8. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
9. Кравец А. С., Саяпин В. О. Проблема концептуализации виртуальной реальности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 1. С. 108-131.
10. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. 320 с.
11. Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
12. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30-ти т. Изд-е 2-е. М.: Гос. изд-во пол. лит. лит., 1959. Т. 13. С. 7-544.
14. Микешина Л. А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. 464 с.
15. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
16. Первушина В. Н., Хуторной С. Н. Виртуальная реальность: методологические подходы к определению понятия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». 2016. № 4 (22). С. 52-64.
17. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
18. Foerster H. von, Mora P., Amiot L. Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026. At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millennia // Science. 1960. № 132. P. 1291-1295.
19. Maturana H. R., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Springer Netherlands, 1980. 171 p.
20. Spencer-Brown G. Laws of Form. N. Y.: George Allen and Unwin, Ltd., 1969. 147 p.

Developing Social-Philosophical Basis to Study Social Virtuality of Network Community

Sayapin Vladislav Olegovich, PhD
Derzhavin Tambov State University
vlad2015@yandex.ru

The research objective includes developing an appropriate theoretical and methodological basis to explicate constantly changing social virtuality of the network community. The paper examines formation of convergent methodology as a means to implement a multidimensional social-philosophical analysis of the Internet technologies influence on the modern society. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time proposes convergent methodology based on N. Luhmann's systemic-functional approach and M. Castells's network approach. The conducted research allows concluding that social virtuality of the network community, its artificial world of mediated virtual communications serve to transfer virtual subjects' perceptions, social experience and social behaviour models. It is shown that in social virtuality, virtual subjects' statuses and roles are identified only by their network position – a channel of virtual communication.

Key words and phrases: social virtuality; network community; virtual communication; systemic-network approach; N. Luhmann; M. Castells.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.24>

Дата поступления рукописи: 12.08.2020

Целью исследования является раскрытие онтологической сущности революционного подполья, изображенного в романе «Бесы». Автор изучает это подполье как антидуховную и антисоциальную систему, разрушающую социум как органическое целое с помощью «экзистенциально-мировоззренческого экстремизма» (на уровне деструкции духовных ценностей). Научная новизна заключается в том, что предпринимается систематический анализ онтологических аспектов структуры революционного подполья на материале романа «Бесы» с привлечением концептуальных положений «теории соборности» С. Л. Франка. Результаты исследования показывают, что Достоевский раскрыл революционное подполье как слабо интегрированное и связанное страхом и принуждением образование, подменяющее соборные начала социума социально-онтологической пустотой, в котором главным орудием поэтапной деструкции общественной системы выступает экстремизм против священных (духовно-нравственных) начал социума («экзистенциально-мировоззренческий» экстремизм).

Ключевые слова и фразы: философия Ф. М. Достоевского; соборность; революционное подполье; экзистенциально-мировоззренческий экстремизм; социальная философия С. Л. Франка.

Чудинов Сергей Иванович, к. филос. н., доц.

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск
personally@ngs.ru

Онтологические аспекты формирования революционного подполья в произведении Ф. М. Достоевского «Бесы» в свете социально-философской концепции соборности С. Л. Франка

В ниже представленном исследовании мы обратимся к произведению Ф. М. Достоевского «Бесы» как источнику знаний о закономерностях формирования, функционирования и внутреннего содержания социальных форм, связанных с зарождением подпольных революционных организаций и деструктивных сообществ. *Актуальность* философско-художественного наследия писателя, вскрывающего онтологические и духовные аспекты организации революционного подполья в среде русской леворадикальной интеллигенции конца 1860-х – начала 1870-х гг., заключается в том, что оно помогает понять глубинные мотивы метафизического бунта и принципы организации деструктивных движений. Нигилизм как духовное явление с тех пор приобрел более разнообразные социокультурные формы, еще больше оторвавшись от политической идеологии. Эфемерные сетевые структуры, нацеленные на деструкцию органических начал социальности, в том числе обрели форму виртуальных девиантных сообществ. Произведения Достоевского позволяют объяснить подлинные мотивы такого бунтарства и сформулировать принципы духовно-нравственного противодействия распаду органических начал социума. Практическое значение полученных ниже результатов исследования может заключаться в разработке эффективной профилактики радикализации сознания современной молодежи через популяризацию классических произведений русской литературы.

Новизна нашего скромного исследования заключается, во-первых, в задаче развертывания систематического социально-философского анализа сущности онтологических аспектов структуры революционного подполья, изображенного в романе «Бесы»; во-вторых, в привлечении концептуальных положений «теории соборности» С. Л. Франка, во многих моментах конгениальной философскому мирозерцанию самого